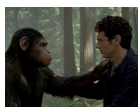

Еще один выходец из Англии, сценарист и режиссер Руперт Уайатт известен только тем, кто следит за фестивалем «Сандэнс», где в январе 2008 года прошла премьера его полнометражного фильма «Побег из тюрьмы». Лента вывела его из абсолютно никому неизвестного новичка на уровень «что-то есть в этом парне», когда студийные скауты отмечают для себя новый талант и вносят его в свои списки «на всякий случай».

Такой случай совпал с желанием студии Fox оживить замершую франшизу о планете обезьян приквелом, с тем чтобы кое-что прояснить о происхождении интеллекта у приматов. Надо полагать, что желающих отхватить такой лакомый кусок (весьма приличный бюджет летнего фильма и возможность укрепиться на студийной орбите в случае успеха) было немало, но студия хотела человека без опыта штампования попкорновых фильмов, со свежим взглядом и рвением голодного новичка. Руперт Уайатт был приглашен для переговоров.

— Как получилось, что вы, в общем-то малоизвестный режиссер, получили такой большой и престижный проект?

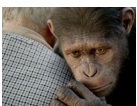
— Я сделал один недорогой фильм «Побег из тюрьмы», который имел успех на фестивале «Сандэнс» и таким образом попал в поле зрения студий. Я собирался сделать картину в Англии для **Working Title**, но там у нас так и не сложилось. Я прочитал сценарий к новому фильму о планете обезьян года три назад, но это был совершенно другой фильм, значительно меньше по масштабу и бюджету, и я решил с этим не связываться, потому что как сценарист в большей степени, чем режиссер, я предпочитаю работать со своим собственным материалом. Но потом я получил опять этот сценарий, но уже переписанный, значительно больше и амбициознее. Этот сценарий зацепил меня уже на пятой странице. Я всегда любил фильмы семидесятых, где человек восстает против машин. Эта же история рассказывает о шимпанзе, который был воспитан в человеческой цивилизации, в мире людей, что напомнило мне Джона Меррика и «Человека-слона» — такой же тип непонятой личности. Такая история открывает большое количество возможностей сделать что-то действительно интересное и рассказать историю о том, как люди развивались, открывая огонь, колесо и прочие подобные вещи. Цезарь проходит через тот же процесс открытий, но внутри одного поколения, и это просто невообразимо интересно. Мне позвонили из студии и предложили встретиться. Я решил попробовать сделать небольшой ролик для презентации студии моего представления о том, каким должен быть фильм. Я знал, что конкуренция за участие в этом проекте будет большая, шансов получить его у меня нет, и сделал это только ради накопления опыта. После нескольких встреч, расспросов и обсуждений я получил этот фильм, что для меня было неожиданностью, но исключительно приятной.

— Что представляла собой эта презентация?

— Я сделал ролик с клипами из разных фильмов, смысл которого заключался в том, чтобы показать, какой тон должен быть у картины. Я пытался показать путь Цезаря через визуальный ряд, начав с первой сцены ленты «28 дней спустя» и используя оттуда аспект вивисекции. Затем взял ремейк «Рассвета мертвецов» с его апокалиптическим настроением, с ощущением угрозы цивилизации в целом, французский фильм «Пророк» с его восстанием в тюрьме, «Побег из Шоушенка» и другие картины, но я не использовал ничего из моего последнего фильма... Я надеялся показать, что в этих лентах, несмотря на количество насилия, есть очень сильная внутренняя история, и этого достичь непросто.

— Вы знакомы с предыдущими фильмами франшизы о планете обезьян? И какими вы видите задачи вашего проекта?

— Я знаю первый фильм «Планета обезьян», как, наверное, и большинство зрителей, гораздо лучше, чем остальные. Я посмотрел его довольно рано и помню, что он для меня был куда интересней, чем «Звездные войны». Сиквелы я смотрел значительно позже, уже когда жил в Нью-Йорке. У меня не было работы, так что я мог себе позволить смотреть кино весь день напролет. Я помню, что посмотрел все сиквелы в один субботний вечер. Не могу сказать, что я был в восторге от них. Но замечательно то, что в мифологии такой обширной серии всегда есть темы, которые могут быть развернуты в разных фильмах, что и произошло в сиквелах «Планеты». Самый сильный из них, по-моему, «Завоевание планеты обезьян» — с точки зрения того, что он олицетворял. Как только я включился в работу над «Восстанием», то снова вернулся к предыдущим фильмам и посмотрел их все, но не для того, чтобы взглянуть на них с точки зрения стилистики, а скорее, для того, чтобы понять, как они планировали сюжетные линии каждого персонажа.

Мы хотели рассказать историю, с которой все началось, происхождение мифологии франшизы. Для этого мы приняли совершенно сознательное решение, почти как во франшизе о Бэтмене, начать сначала и переписать историю с учетом первоначальной мифологии, где все основные темы будут схожи. Первый фильм был в большой степени социальным комментарием о гражданских правах. В нашем же фильме речь идет в основном о надменности и высокомерии человека в том состоянии мира, где мы находимся сейчас. Слова Чарлтона Хестона на пляже в оригинальном фильме стали для нас как бы отправной точкой, и вопрос о том, что если возникнет новая цивилизация и как это случится, был вдохновением.

— Каким образом вы заполучили Джеймса Франко в этот проект?

— Я хотел, чтобы фильм был основан на реальности, насколько это было возможно. Мне был нужен характерный актер, и то, что Джеймс имеет внешность романтического героя, скорее, играло в нашу пользу. Наша история, ее сердцевина должна была

основываться на реальности. Мы знали, что станем объектом определенных мнений и предубеждений в том, каким этот фильм должен быть, так как у фильмов о планете обезьян есть свои поклонники. Поэтому нам нужно было подойти к работе над этим фильмом максимально серьезно, привязать историю к реальности, добавить что-то новое, ранее не использованное в мифологии серии. Джеймс — актер, который играет только то, во что верит. Он отличный барометр, определяющий настоящее и фальшь. Ему важно верить в то, что он делает на площадке, и это совпадало с моим желанием приблизить фильм к реальности. Интересно, что, когда появляется такой проект, как этот, многие известные актеры хотят принять в нем участие. И происходит это так: актер читает сценарий и говорит, что он хочет изменить героя так и так, сделать его похожим на того-то и того-то. С Джеймсом было все совсем не так. Он прочитал сценарий и сказал: «Хорошо, можешь располагать мной, я согласен». И именно это в нем меня поразило больше всего, в этом и заключается его абсолютное взаимодействие с режиссером. Он приносит идеи по ходу работы, но оставаясь в рамках общего видения результата, как мы его определили. Он абсолютно не эгоистичен, он играет вторую скрипку при Энди-Цезаре. Энди Серкис — протагонист по многим параметрам, а Джеймс — протагонист от человечества. Я думаю, что Джеймс подписался еще и потому, что в фильме есть надежда, потому что видеть себя частью чего-то важного для него привлекательней, чем то, будет ли эта роль успешной для его карьеры.

— А что касается остальных актеров? Джон Литгоу, Том Фелтон...

— Наш фильм рассказывает не только о восстании животных. Это еще и человеческая драма, где присутствует болезнь Альцгеймера и взаимоотношения отца и сына. Джон прочитал сценарий и был в восторге от него. Он встретился с Джеймсом, потом со мной, провел свое собственное исследование этого заболевания. Кроме всего прочего, он актер, с которым я хотел встретиться для работы еще со времен, когда увидел его впервые в «Проколе» Брайана де Пальмы. Он потрясающий! Он такой же характерный актер, как Брайан Кокс, с которым я работал в «Побеге из тюрьмы».

Это исключительно важно — найти актеров, которые отвечали бы твоим замыслам. Ведь, как ни крути, ты не можешь заставить их делать то, что они не хотят или не могут. У каждого из них есть свои привычки, особенная чувствительность к чему-то, какие-то особенные нюансы, которые формируют их в течение времени, делая такими, какие они есть. Актеры проникаются ролью, но они всегда играют ее по-своему. Например, позови я Ричарда Дженкинса, и он играл бы эту роль так, как может только он. Поэтому Джон Литгоу мне был нужен с его особенностями, с его «по-своему». Мне хотелось показать особенность взаимоотношений сына и отца, обусловленную смертью и болезнью Альцгеймера, меланхолией, вызванной этой болезнью. Я хотел, чтобы в этом была реальность жизни. Поэтому Джон Литгоу был с его взволнованностью и энергичностью именно тем, кто мне нужен. Каждого актера мы подбирали в соответствии с его местом в фильме. Или взять Фриду Пинто. Я немного беспокоился, когда мне предложили посмотреть на нее. Все-таки у студии свои требования к главным героиням, они должны обладать определенной привлекательностью для зрителя. Мне же нужна была хорошая

актриса, которая выглядит естественно и понимает задачу. Когда я с ней встретился, то был обрадован, что она выглядит вполне нормальным и адекватным человеком. Первое, за что мы взялись, — это идея о том, что она приматолог и ветеринар. Нигде не сказано, что красивая женщина не может быть ветеринаром. Фрида проделала большую исследовательскую работу, чтобы понять, чем занимается ее героиня. Ну вот как-то так мы работали с подбором актеров.

— Энди Серкис — единственный человек на планете, кто может играть роли Горлума или Кинг-Конга? Похоже, что так оно и есть...

— Да, он своего рода Чарли Чаплин нашего времени, он потрясающий и уникальный актер. Но есть и другие, число которых растет. Энди устраивает в Англии 3D-студию, чтобы заниматься тем, чем планировал заняться и я, — ввести motion capture в фильмы с небольшими бюджетами. Многие актеры, по-моему, боятся этого, полагая, что performance capture — угроза их занятости. Хотя на самом деле скорее наоборот — нужда в актерах с определенными навыками будет возрастать с развитием технологий. Во всяком случае, так думает Энди. Он сможет помочь им играть множество разных персонажей, но все-таки существует определенный тип актера, который создан для performance capture. Это абсолютно физическая работа и в то же время трансформирование сознания. Для Энди с его навыками и опытом сыграть такого героя, как Цезарь, провести в точности весь визуальный ряд в диалогах, каждое движение... Он один на миллион. В наше время каждый может насмеяться над теми костюмами и гримом из фильмов о планете обезьян, но ведь это была работа в том числе и выдающегося мастера своего дела Рика Бейкера, который даже «Оскар» получил за это. К тому же в этом была даже какая-то своеобразная прелесть старых фильмов.

— В какой момент вы решили использовать современные компьютерные технологии?

— Предыдущие фильмы имели дело с говорящими обезьянами, которые в какой-то степени были уже гуманоидами, но наш фильм не об этом. Он об обезьянах как животных, о шимпанзе, гориллах, орангутангах — о таких, какими мы их знаем в наше время. Нашим фильмом мы как бы закладываем фундамент будущей цивилизации, готовим почву, так сказать, поэтому мы имеем дело с настоящими животными. У нас был выбор: использовать настоящих животных или CGI. В самом начале разработки проекта, когда мы рассматривали все возможности, в какой-то момент учитывались и живые шимпанзе, но тут возникало много практических сложностей, и мы довольно быстро отказались от этой идеи. Было ясно, что, только используя performance capture, мы сможем передать практически все эмоции и движения животных. Эта техника блестяще зарекомендовала себя в течение последних лет в разных фильмах, развиваясь и совершенствуясь от проекта к проекту. Джеймс Кэмерон внес огромный вклад в развитие новых кинотехнологий, когда готовился к работе над «Аватаром». Он

разработал камеру для face capture, которую мы использовали в работе тоже. Без всех этих технологий наш фильм был бы невозможен. Может быть, и наш фильм станет трамплином для какого-то другого, так как и мы внесли свой вклад в усовершенствование этих технологий.

— Насколько вы были свободны в своих решениях, или каждый раз надо было получать разрешение студии?

— Это довольно хитрый вопрос, чтобы ответить на него однозначно. Я буду предельно откровенен. Многие думают, что работать в независимом фильме — значит иметь полную свободу действий. Но ты все равно имеешь дело с чьими-то деньгами. Например, в «Побеге из тюрьмы» бюджет был что-то около 1,8 миллиона долларов — это крохи по сравнению с нашим фильмом, но тем не менее довольно большие деньги по сути. Поэтому ты не можешь творить все, что взбредет в голову. У тебя есть продюсеры с их воображением. Есть и другие люди... Кинопроизводство — это сотрудничество многих людей, каждый вносит свой вклад, ты не можешь быть абсолютно свободен от чьего-либо мнения. А тут мы говорим о фильме с огромным бюджетом. Конечно, студия рискует, давая такой дорогостоящий проект режиссеру без опыта и имени, хотя с одной стороны они именно этого и хотели, по-моему — человека со свежим восприятием, за которым не стоит некая репутация. В самом начале разработки проекта, в подготовительный период, а это совершенно иное время, скажем, в отличие от собственно съемочного периода, я думаю, у студии были свои опасения, и она очень хотела знать, что все точки над «i» расставлены, все «t» перекрещены. (Смеется.) Но постепенно, убеждаясь, что мы четко придерживаемся графика работы, она стали понемногу успокаиваться и отстраняться. Но я отлично понимаю причины такого напряжения поначалу и согласен с необходимостью такого контроля.

— Насколько сильно действует на вас тот факт, что у вас на плечах фильм с многомиллионным бюджетом, давит такая ответственность?

— Чувство ответственности всегда есть. Я полагаю, это нормально и так и должно быть. Но в итоге я всегда чувствовал, что размер фильма не имеет особого значения. Пока мне дают возможность снимать, я не выбираю проект, исходя из его бюджета. Я был бы одинаково счастлив сделать независимый фильм или еще один студийный фильм. Я не думаю о суммах, иначе бы у меня давно был инфаркт.

— Бывает ли так, что в процессе монтажа вы хотели бы что-то переделать, переснять какой-то кадр?

— Конечно, всегда есть какая-то неудовлетворенность. Хотелось бы мне, как во времена Дэвида Линча, который мог три дня сидеть на пляже в ожидании, когда океан смоет следы на песке, иметь возможность что-то сделать иначе. В наше время и при

нашей культуре кинопроизводства у тебя просто нет возможности сделать что-то вне утвержденного графика работы. У тебя может быть 30 сцен в день, которые ты должен отснять, и, естественно, это влияет на то, какую форму в итоге примет фильм. Ответ на это такой: у тебя есть прекрасная съемочная группа, твой оператор исключителен, и, когда твои актеры сделали все, что нужно, на третьем дубле, ты точно знаешь, что все идет нормально и по плану. Да, конечно, иногда мелькает мысль: «Господи, если бы я мог сделать что-то лучше!»

— В фильме чувствуется некоторая сдержанность в показе человеческой цивилизации, которая теряет основные принципы гуманизма. Это было ваше собственное понимание истории, или так было на странице сценария?

— Нет, этого не было в сценарии, но это входило в мои планы — развернуть историю фильма с учетом духа времени. Я собирался сделать это посредством создания фона из разных источников средств массовой информации, подтверждающих разрушение гуманности в нашей цивилизации. Но возникла проблема. Это все стало отвлекать нас от собственно истории, занимать слишком много места в фильме. Я думаю, что это должно бы войти в сиквел, который мог бы показать глобальный размах бедствия. История, начавшись с малого, перерастает в нечто грандиозное, зрелищное. Второй фильм мог бы быть совершенно иного масштаба.

— Вы планируете сделать и второй фильм?

— Нет, я не планирую, но я был бы не против. Тут многое зависит от того, что студия решит делать дальше. Я знаю, что она осталась довольна результатом нашей совместной работы. Были приняты некоторые решения, которые говорят о том, что студия была удовлетворена результатом. Конечно, я был бы счастлив, если бы у меня появилась возможность снять и второй фильм. Но в большей степени теперь все зависит от прокатного успеха.

Получится ли у Руперта Уайатта снять второй, «куда более масштабный» фильм, нам знать не дано, хотя наверняка первая неделя проката картины может пролить некоторый свет на дальнейшую судьбу франшизы. В конце концов, современные технологии смотрятся на экране куда привлекательней даже самого лучшего грима, а история «Восстания планеты обезьян» только-только начинается.